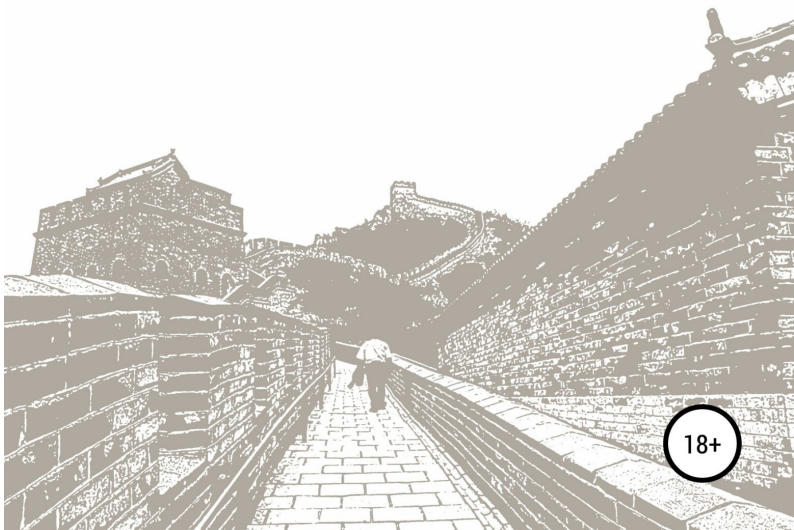

СТЕНА

Владислав Тычков

Владислав Владимирович Тычков

Стена

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36625080

SelfPub; 2018

Аннотация

– Знаешь, – сказал я, – в Китае есть Великая Стена. Ты, должно быть, слышала о ней. Неодолимая, неприступная стена, пролегающая по вершинам бурых гор... И чтобы проникнуть за нее, надо пройти шесть с половиной тысяч километров. Пройдут дни, месяцы, годы, многократно сменяют друг друга дожди, солнце и снег, а ты все так же будешь идти вперед, держась Стены и никуда не сворачивая, непреклонный и непреодолимый, как сама Стена. Идти, зная, что где-то там – за Стеной – тебя ждут. Ждут, так же, как и ты, преодолевая дождь, ветер, снег и зной, терпеливо и непреклонно. И ни за что не перестанут ждать. Потому что тогда просто все потеряет смысл.

Содержание

Пролог	4
Часть первая. Деньги	7
I	7
II	30
III	42
IV	58
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Пролог

Да воздастся каждому по вере его.

Кажется, из Евангелия.

Но я могу и ошибаться.

*Даже когда нам кажется, что мы ничего не выбираем –
это тоже выбор.*

Закон жизни

Fight until the last man standing.

Из американского фильма.

*Расскажи мне о тех, кто устал
От безжалостных уличных драм
И о храме из разбитых сердец
И о тех, кто идет в этот храм...*

Виктор Цой

Все события этой книги – вымышленные. По крайней мере, я склонен так думать. Однако, когда я слышу по радио песню «Лондон», в моей памяти всплывает залитое кровью лицо Сандера, а в ящике моего стола лежит ключ с биркой на тайском языке (правда, других документов нет – но, возможно, я их просто потерял в том безумном круговороте?).

Все это выглядит очень реалистично и правдоподобно. настолько правдоподобно, что со временем мне все более начинает казаться, что это произошло на самом деле. Тем более, что я странным образом не могу вспомнить ни одного события, относящегося к прошедшему году, кроме тех, которые описаны здесь. Если все это – вымысел, то куда же тогда делся целый год моей жизни? Почему я не вспоминаю никаких моментов, которые были бы более реальными, чем те, о которых собираюсь написать? Неужели я потратил его на выдумывание этой истории? Конечно, многие годы своей жизни я столь же благополучно не помню, и спроси меня, что происходило со мной, к примеру, в девяносто пятом – я не отвечу. Но эти-то события случились совсем недавно...

Собственно, поэтому я и пишу эту книгу – в надежде разобраться самому, было ли это на самом деле или все же каким-то непостижимым образом привиделось мне; не заслонили ли мои фантазии саму реальность. С точки зрения обычного человека все это кажется совершенно неправдоподобным. В жизни обычного человека обычно не происходят такие необычные события, а я, как все же ни крути, – человек самый что ни на есть обычный, простите за каламбур. Вот это-то и вызывает у меня сомнения в реальности происшедшего – ну не могло такого произойти со мной. Не могло. И все же...

* * *

Все началось в тот день, когда я выиграл миллион долларов.

Часть первая. Деньги

I

В тот день я выиграл миллион долларов.

На дворе стоял самый обычный вечер самого обычного летнего дня. Солнце еще и не думало опускаться к горизонту, и в окно моей гостиной, служившей одновременно рабочим кабинетом, сквозь пышную крону высокого тополя пробивались упрямые желтые лучи. За окном весело кричали и смеялись играющие дети, шумели машины, развозящие своих хозяев по домам после еще одного жаркого рабочего дня. Тихонько рычал кондиционер в окне соседа сверху, и на мой подоконник время от времени глухо падали капли воды. Словом, самый обычный вечер в тихом южном провинциальном городке. Я сидел у компьютера, проверяя почту; вентилятор внутри его громоздкого корпуса надсадно выл, жалуясь на жару.

Сперва, когда я увидел это письмо в своем почтовом ящике, я подумал, что это шутка. Или, точнее, очередное мошенничество. «Чертовы спамеры. Надо уже закрыть этот аккаунт, один спам на него валит. Давно уже надо было закрыть...»

Я не проверял этот e-mail уже недели две. На него и прав-

да шло много спама – видимо, где-то я его неосмотрительно «засветил». Еще приходило много рассылок, на которые я когда-то подписался и многие из которых, возможно, были полезными, но у меня так и не хватило времени – или желания? – их прочитать.

Кроме того, мне не от кого было ждать писем. Все мои виртуальные «друзья», коих насчитывалось два с половиной человека, писали мне на рабочий mail. Чего греха таить, оплаченные моим разлюбленным работодателем часы я зачастую использовал совсем не в его интересах.

Итак, совершенно случайно я открыл именно этот почтовый ящик именно сегодня. Да, у этого события были причины – опять же, цепочка случайностей. Неважно. Главное, что я его открыл. Именно его, именно сегодня.

Это письмо отличалось от привычного спама. Во-первых, в нем обращались ко мне по имени. Во-вторых, адрес отправителя состоял не из бессмысленного набора букв, а из конкретного имени: «pat_smith».

В-третьих, оно оповещало меня о выигрыше миллиона долларов.

Женщина по имени pat_smith будничным деловым тоном на английском языке вполне определенно сообщала мне, что приобретенный мною когда-то в незапамятные времена билет интернет-лотереи выиграл «total sum of US\$1,036,824». Сообщала так, будто это происходит с людьми каждый день, и ничего особенного в этом нет – подумаешь, миллионом

больше, миллионом меньше, какая разница. Я-то уже и думать забыл об этом билете, мысленно укорив себя за очередную совершенную глупость и слегка попеняв на несправедливость этого мира и злобные происки мошенников-лотерейщиков.

И вот, откуда ни возьмись... такое счастье.

В письме, пришедшем два дня назад, с английской дотошностью сообщалось, какие действия мне следует предпринять, чтобы в кратчайшие сроки стать самым что ни на есть миллионером.

Я перечитал его снова. И снова.

Мой мозг стал рефлекторно искать различные варианты подвоха. «Так, они просят отсканировать и переслать удостоверение личности. Может, хотя бы подделать мой паспорт и набрать на него кредитов на этот миллион – возможно? Вполне. Тогда мне в жизни не выкарабкаться из этой ямы. Значит, пошлю им водительские права. Тоже удостоверение, но кредит на него не дадут». Не мог же я совсем не ответить на это письмо. Уж слишком оно походило на реальность. На другую реальность – ту, которая была реальностью только в моих мечтах.

На подсунутые мной права миссис pat_smith (точнее, Mrs. Patricia Smith, Best regards и все такое, как она подписывала свои письма в лучших традициях деловой переписки) отозвалась вполне благосклонно. На следующий день я снова сидел перед компьютером и слово за словом перечитывал

ее ответное письмо, все еще стараясь найти подвох. Письмо гласило, что лотерейная контора, находившаяся в Англии, готова перечислить мне выигрыш «в полном размере, как только я сообщу номер своего банковского счета в России или любой другой стране мира». Подвоха, кажется, не было.

Я продолжал сидеть, тупо уставившись в монитор. Цифры 1,036,824 твердо отказывались укладываться в моей голове. Нет, не подумайте, я человек вовсе не бедный, и к своим двадцати пяти годам я уже жил в просторной «двушке» в новенькой высотке, имел вполне неплохую работу, единственным, пожалуй, напрягом которой была необходимость рано вставать, чтобы успеть на служебный автобус. Который полтора часа, трясясь и громыхая, вез меня и еще сорок человек по извилистой загородной дороге к большому химическому заводу. А вечером – обратно, только летние вечера в автобусе были особо изощренной пыткой, поскольку городок у нас южный, летом стоит влажная безветренная жара, а в автобусе не только нет кондиционера, но и с вентиляцией дела обстоят неважно – сухими сидят только счастливики, успевшие занять места прямо под люками в крыше, а остальные молча и скрипя зубами пропитывают своим потом спинки неудобных сидений. Как вы, наверное, уже догадались, на улице был самый разгар лета, и к счастливицам я никак не относился. Разве что с некоторой завистью.

До этого самого дня.

Дня, когда буквы на мониторе стали вдруг медленно и

неумолимо складываться в непривычные слова. Стройные и четкие английские слова. И еще более четкие арабские цифры. Как ни крути, я должен был получить миллион долларов. И никакой подвох мне не поможет.

Один миллион тридцать шесть тысяч восемьсот двадцать четыре доллара. Этим словам трудно что-либо противопоставить.

* * *

Думаю, надо немного рассказать о себе. Как я уже говорил, я – самый обычный человек. В глубине души я, конечно, знаю, что я – совсем не обычный, а особенный, и иногда даже даю об этом понять окружающим, которых-то и считаю обычными. Мне двадцать пять, но выгляжу не больше чем на двадцать – двадцать два: наверное, из-за моего худощавого телосложения и совершенного нежелания одеваться в брюки со стрелочками и классическую рубашку, думаю я. Временами это меня даже раздражает. В действительности я считаю себя не по годам мудрым, взрослым и много знающим об этой жизни. В мечтах я вижу себя солидным мужчиной среднего возраста, богатым и обаятельным – словом, героем голливудских фильмов. Я люблю читать эзотерические книги и модные романы, люблю смотреть романтические комедии и мелодрамы с хорошими актерами, правда, при просмотре оных частенько протекаю слезами. Поэтому и предпочитаю

смотреть их в одиночестве. Не мужское это все же дело – плакать. Голливудские мужчины не плачут.

Работаю я на заводе, попасть на который в нашем городе непросто – только по блату, или, выражаясь литературно, – по хорошему знакомству, ибо это одно из немногих мест, где относительно хорошо платят. С этой позиции меня можно назвать успешным, мои родители для этого хорошо постарались. Сам я особых успехов на работе не достиг, и должность моя, как и собственно работа, оставляют желать много лучшего. Работа спокойная, офисная, и потому жутко скучная. Когда я впервые пришел на это место, мне, конечно же, было безумно интересно, я даже проявил некоторые свои «многогранные способности» (как потом написали в моей характеристике), выполнив одно масштабное и срочное задание. Заработал себе небольшое повышение.

Только спустя месяц-другой мой энтузиазм несколько угас. Да что там – пропал начисто. И теперь я уже четвертый год коротаю однообразные дни, перебирая бумаги, читая украдкой книги с монитора компьютера, переписываясь по электронной почте, зевая и глядя в квадрат окна девятого этажа, в котором висят редкие облака, словно прищипленные канцелярской кнопкой к неизменно голубому небу южной провинции. Честно говоря, даже эти облака меня уже достали.

Друзей у меня нет. Я вообще не очень-то схожусь с людьми. Одних – «обычных» – считаю ниже себя, и слег-

ка так презираю; других – «успешных» – выше себя, и тоже слегка презираю. Нет, «презираю» – неверное слово; скорее, я просто отношусь к ним с повышенной осторожностью, как к тиграм в клетке – главное, не приближаться слишком близко, и тогда они никак не смогут тебя тронуть. Каждый зверь – в собственной клетке, за собственной решеткой. Ходит там, скалит зубы, рычит, но пока держишься от него на достаточном расстоянии, все это производит не больше впечатления, чем боевая стойка загнанного в угол котенка – смешно, да и только. Не знаю, почему у меня сложилось такое отношение к людям. Наверное, это у всех так. Я над этим особо не задумывался.

Конечно, у меня есть куча знакомых, и даже были когда-то те, кого я считал друзьями, но почему-то никогда им об этом не говорил. Никогда не думал, сколь много эти немногие люди для меня значат. Словом, не особо-то ценил тот бесценный дар дружбы, которым одарила меня судьба. Наверное, считал это само собой разумеющимся. Все эти люди теперь растворились в туманном болоте времени: кто-то уехал покорять столицу, кто-то – просто исчез из моего поля зрения. Нашли себе другую компанию, может быть. Многие уже женились, большинство из них – развелись. Я же считаю женитьбу чем-то таким... ограничивающим. Добровольным обрезанием своих крыльев. Потому и не женился. Как будто есть что обрезать...

Хотя девушки у меня, конечно, были, с тремя из них я

даже встречался годами, видимо, боясь потерять найденное с таким трудом – мне ведь непросто сходиться с людьми, помните? Но спустя время страсть охладела, вы знаете, как это бывает. Когда вместо мысли «ура, сегодня будет секс!» приходит «ooo, опять что ли секс...». Когда начинает раздражать то, что раньше вызывало щенячий восторг. И спустя еще какое-то время все как-то само сходит на нет, и уже даже не ясно, кто кого бросил и кто от кого ушел.

Ну вот таков вкратце мой словесный портрет. Таким я был до того дня, когда все вдруг собралось измениться.

* * *

Один миллион тридцать шесть тысяч восемьсот двадцать четыре доллара.

Честно говоря, меня охватил страх. Я не знал, как мне на это реагировать, поэтому мой мозг избрал наиболее привычный для себя способ – испугаться. Воображение услужливо рисовало многочисленных демонов, желающих непременно откусить кусок моего столь желанного пирога – банки, налоговые инспекторы, братва... Наверное, людям должно быть свойственно в такие моменты прыгать, кричать, хохотать, обнимать своих родных и излучать гормоны радости в межпланетное пространство. Но мне это почему-то не пришло в голову. Я еще не понял, что теперь обрел долгожданную свободу – свободу от нелюбимой работы, от подъемов

в шесть утра, от опостылевшего автобуса, шпилей заводских труб, протыкающих бесплодное небо над бесплодной землей, от серых офисных стен, лицемерных начальников, скупающих сослуживцев... Свободу от безденежья, от страха купить слишком дорогую вещь, потратить слишком много на вечеринке, от страха говорить людям все, что о них думаю, и главное – от сознания собственной неполноценности. Нет, тогда я обо всем этом еще не думал. Я думал о том, что у меня появились новые проблемы.

В ту ночь я долго не мог заснуть. Не помню, спал ли вообще. Наверное, все-таки спал, потому что в шесть часов моему будильнику удалось осуществить свой злобный план по вырыванию меня из мира спокойствия и забвения. Деньги я еще не получил, вспомнил я, поэтому надо идти на работу. Идти на работу. Идти-на-работу. Я сжал зубы, сосчитал до десяти, перевалился набок и тяжело поднялся с кровати.

* * *

Первым делом мне предстояло найти банк, которому, во-первых, можно доверять, и который, во-вторых, берет фиксированную сумму за денежный перевод. Потому что тот один процент, который берет большинство банков, в моем случае выливался в десять тысяч долларов! «Да за такие деньги я пешком этот миллион из Англии принесу!», подумал я, хотя мысль эта не имела ни малейшего смысла: из-за

ограничений по ввозу валюты в страну мне пришлось бы совершать этот променад раз сто, как раз до конца жизни. Но сейчас мне было не до поисков смысла – надо было спасти свои деньги.

Наконец, после нескольких телефонных звонков, банк был найден. Я отпросился с работы, и с замирающим сердцем поехал в обратный путь, в город. Теперь мне предстоял второй, самый скользкий пункт моего плана – сделать так, чтобы о моем выигрыше не узнал никто, и, в частности, налоговая инспекция. Потому что когда я прочитал, что мне предстоит отдать ей триста пятьдесят тысяч моих кровных долларов только потому, что какой-то дядя в пиджаке считает это правильным, меня чуть не хватил удар. И я твердо решил, что никому свои деньги ни отдам, ни за что. Тем более – аморфной ненасытной массе под названием «государство». «Нет уж ребята, живым меня не возьмете!».

– Добрый день, – натянув самую очаровательную из своих улыбок, пропел я молоденькой девушке за стойкой операционного зала. Наверное, стажерка какая-нибудь. Она посмотрела на меня с интересом, видимо определяя, к какой категории клиентов я отношусь.

– Добрый день, – отозвалась девушка, выбрав наконец улыбку «для студентов и пенсионеров». Я окинул взглядом помещение и понял, что обстановка совершенно не располагает к конфиденциальной беседе; я почувствовал, как на лбу появились капельки пота, и нервно сглотнул. Наклонившись

к ней поближе, я попытался смоделировать доверительный тон:

– Вы знаете... (взгляд на бэджик), Наташа, я бы хотел открыть у вас счет.

– Пожалуйста, ваш паспорт. – Наташа чуть отстранилась и открыла ящик письменного стола. – Какого рода счет вам необходим?

– Вы знаете, – еще более низким тоном повторил я, так что она чуть склонила голову, напрягая слух, – мне должна прийти крупная сумма из зарубежного банка. – Ее глаза слегка расширились. – Очень крупная, – на пределе слышимости, но твердо произнес я, мигом вспотев от макушки до пяток. – И... я хочу, чтобы об этом никто не узнал.

Капля пота скатилась с брови, обогнув глаз, на спринтерской скорости преодолела щеку и предательски громко стукнулась о деревянную стойку. Тут я сообразил, что вид взгромодившегося на стойку обильно потеющего юноши с сумкой через плечо вызывает повышенное опасливое внимание у населения операционного зала, и поспешно одернул себя.

Тем временем глаза Наташи расширились еще больше и растерянно забегали из стороны в сторону, как солнечные зайчики по стене; рука ее так и застыла над открытым ящиком стола, как будто там была змея. Мой вопрос явно выходил за рамки обязанностей, прописанных в ее должностной инструкции.

– Т-т-то есть как? – Я понял, что надо брать быка за рога,

пока он еще тепленький:

– То есть так, – гораздо увереннее ответил я, быстро написал на бумажке «500\$» и как ни в чем не бывало протянул ее Наташе. Глаза ее стали совсем круглыми, рука медленно опустилась в ящик, да так там и осталась, став, наверное, жертвой призрачной змеи – грозы письменных столов.

– Я... я не знаю...

– Понял, – ответил осмелевший вдруг я. – Как мне пообщаться с вашим начальником?

– С-сейчас... – она судорожно выдернула воскресшую руку из плена коварного ящика и стала набирать телефонный номер. Я тем временем скомкал бумажку с недвусмысленными цифрами и вытер ею остатки пота на лбу.

– Надежда Алексеевна, это Наташа, не могли бы вы подойти, тут клиент с вами лично поговорить хочет, – пролепетала девушка, жалобно глядя на свое скомканное счастье. Я отправил бумажку в урну.

Надежда Алексеевна оказалась молодой и симпатичной, но очень уж деловой женщиной в очках в тонкой стильной оправе. «Да, тут договориться будет непросто», – подумал я. Но невесть откуда взявшаяся уверенность более не собиралась меня покидать.

– Да, что вы хотели? – четко поставленная дикция человека, умеющего улаживать любые споры.

– Я бы хотел пообщаться с вами с глазу на глаз. – И тут только меня осенило, каким же дураком я был. Надо было

по телефону договориться с ней о встрече и обсудить все за пределами банка, или в ее личном офисе, чтобы не привлекать внимание лишних людей, и уж точно не после того, как я предложил взятку ее подчиненной. Теперь она точно не согласится на мое предложение – это будет означать конец ее карьеры. Эта женщина явно не глупа и все сразу же поймет.

– Хотя... извините, я передумал. – Я смущенно улыбнулся, повернулся и быстрым шагом, не глядя по сторонам направился к выходу из офиса. В зале стояла тишина.

* * *

Выйдя на улицу, я тут же поймал такси и направился в другой банк – запасной вариант, оставленный мною на случай, если в первом что-то пойдет не так. Времени до закрытия оставалось мало, и я спешил. Спешил и нервничал. Потому что опоздание с открытием счета означало бы для меня целый потерянный день, который мне пришлось бы снова провести в этой «старой» жизни, целый день отсрочки моего всепоглощающего счастья... Я и так уже слишком долго терпел. Все свои двадцать пять лет я постоянно ждал чего-то, какого-то счастливого будущего, которое вот-вот должно было наступить, да все никак не наступало. Больше я терпеть не собирался.

Таксист привез меня в банк за полчаса до закрытия. Теперь я был умнее: сразу направился к начальнику операци-

онного зала, и после непродолжительной беседы в его кабинете за закрытыми дверьми мы сговорились на тысяче долларов. Тысяча долларов – и никто не узнает о моем миллионе. Игра явно стоит свеч.

Я с трудом скрывал свое ликование, пока шел к выходу из банка. Если бы существовал чемпионат мира по радости, я бы однозначно занял в нем первое место, опередив всех соперников с большим отрывом. Мой мозг выдавал на ура мелодии неизвестных мне песен, а ноги были готовы в случае необходимости донести меня до небес одним прыжком, если бы мне вдруг захотелось воспарить на облаке. Все встречавшиеся мне люди награждались самой лучезарной улыбкой, какую только позволяли приличия. Казалось, что таким счастливым я не был никогда.

* * *

Только сейчас я понемногу начал приходить в себя. Проблемы улаживались, мозг освобождался от страхов и фантомов, и передо мной начала брезжить моя будущая жизнь. Именно так – брезжить, как свет в конце тоннеля. Только конец этот был уже не в неопределенной дали, а здесь – в кармане, на карточке с заветным номером счета. Это ощущение невероятной близости свершения самой несбыточной мечты понемногу росло, все быстрее и быстрее, пока вдруг не переполнило меня ярким светом безумной радости – та-

кой безумной, что я буквально чувствовал, как эта радость подбрасывает меня в воздух с каждым шагом, и, готовая уже разорвать на кусочки, застряв где-то в районе дыхательных путей, вдруг изливается внезапным хохотом, тут же переходящим в рыдания и всхлипы, и снова в хохот; как эта радость заставляет меня упасть на колени, и плакать, кричать, смеяться и бить кулаками по земле, лишь бы выплеснуть свое бездонное счастье, пережить его, и не умереть; чтобы вновь прийти в то благословенно спокойное равновесие, которого я так старался достичь всю жизнь и которое так ненавидел, как только достигал.

Освободившееся от страха воображение в приступе бескрайней эйфории рисовало мне картины меня-будущего, но такого близкого; меня-лучшего, меня-высшего, меня-художника, меня-тусовщика, меня-прожигателя жизни, просто Меня. Я был уже другим, и никогда уже не смог бы стать собой-прошлым, как сев однажды за руль дорогого европейского седана, никогда больше не пожелаешь быть водителем отечественной машины.

Воображение тут же уцепилось за слово «машина» и выдало мне на-гора замечательные картинки меня за рулем «лексуса», «линкольна» и даже «бентли». Я с достоинством погружался в объятия мягкого кожаного сиденья, гладил шикарный руль и гладкий красного дерева рычаг автоматической коробки; с легким чувством превосходства взирал на мир через тонированные стекла, наслаждаясь прохладой

кондиционированного салона; на сиденье рядом расположила свои длинные ноги шикарная блондинка, на мне появился костюм от Феррэ и сорочка от Армани...

Усилием воли я вытащил себя из своего блестящего будущего. «Есть у нас еще здесь дела», – всплыла вдруг фраза из песни, которую я очень любил когда-то. Я взял себя в руки, окинул надменным взором замерших с открытыми ртами прохожих и двинулся вперед. Многое еще предстояло сделать...

* * *

Я решил распределить деньги следующим образом. Одну часть – триста тысяч – вложить в инвестиционный фонд, чтобы получать солидный доход; сто тысяч оставить себе на покупки, а с остальными шестьюстами пока повременить. Просто я на данный момент не представлял, куда можно израсходовать такую огромную сумму. Точнее, конечно же, представлял: я мог купить тот самый «бентли», который всегда считал символом «настоящей жизни»; приобрести небольшую виллу на побережье Средиземного моря, где я еще ни разу не был, с белыми стенами, полами из натурального дерева и окнами во всю стену, выходящими в густой сад, на который можно глядеть и никогда не наглядеться; на это ушли бы почти все деньги, а остаток я потратил бы на обучение мастерству художника, которым когда-то хо-

тел стать... Но я просто не мог так безответственно растратить такую огромную сумму. Надо было подумать и о родителях-пенсионерах, хотя я мог бы оставить им свою «двушку», продав которую, можно было бы неплохо жить несколько лет даже без моей поддержки; надо было подумать и о том, на что я сам буду жить, когда закончатся выигранные деньги. И потому воплотить свои самые вожаделенные мечты не представлялось возможным. Да и какой из меня к черту художник... с виллой и на «бентли»... смешно!

* * *

Через три дня, когда я все еще торчал на работе, мой мобильник зазвонил.

– На ваш счет поступил денежный перевод, – вымуштровано-бесстрастным голосом произнесла девушка из банка. – Один миллион тридцать шесть тысяч восемьсот двадцать четыре доллара.

На этой фразе ее голос дрогнул. В этом чуть заметном изменении тембра, вызванном самопроизвольным сокращением голосовых связок, как будто записалась вся ее жизнь, не стоившая и десятой части этой суммы, все ее несбывшиеся надежды и бесконечные исступленные ожидания, которые сполна выражались только что произнесенными ею словами.

Мне почудилось, как будто меня ударили кулаком в грудь. Сердце бешено заколотилось, всё вокруг внезапно расплы-

лось и затанцевало в своем собственном, странном и неподвластном мне ритме. Клавиатура компьютера уплыла куда-то вправо и вдаль, шкафы для документов обнялись друг с другом и принялись вальсировать по кабинету, монитор подпрыгнул и задержался в ритме брейк-дэнса.

– Хорошо, – промямлил я и не без труда положил мобильник на норовивший отпрыгнуть в сторону стол, забыв отключить связь. Из трубки задребезжали еще какие-то слова, но они меня уже не интересовали.

Я сидел на стуле, не ощущая его, а окружающий мир продолжал свой безумный хоровод. Мысли покинули мою голову и унеслись в какое-то более подходящее для них место, оставив меня, почти бесчувственного, наедине со взбесившейся мебелью. Стены офиса, видимо не выдержав подобного зрелища, изогнулись под нелепым углом и раздвинулись в стороны, будто раздираемые неведомой силой. Силой денег. Силой свободы.

Все. Это произошло, и обратного пути нет. Я вдруг остро ощутил внезапную ностальгию по той жизни, которую стремительно терял: по спокойствию тихого офиса, куда каждый день ковылял старенький автобус и где платили не очень большую, но стабильную зарплату, позволявшую мне делать себе маленькие сюрпризы и иногда даже осуществлять мои скромные мечты; по книгам, которые любил перечитывать, воображая, как все описываемые автором события происходили бы со мной, и каждый раз давая себе зарок начать с

завтрашнего дня новую жизнь; по тому безымянному ощущению, что четко отграничивало те вещи, которые могли бы стать моими, от тех, о которых мне дано было лишь мечтать. Все в голове смешалось и поменялось местами, и вот уже то, что раньше было сказкой, стало реальностью – только руку протяни, – а все, для чего я работал, все мои планы и вся моя с грехом пополам построенная, более-менее сбалансированная жизнь – вдруг утратила смысл. Как будто внезапно исчезло земное притяжение, и я растерянно воспарил посреди пришедших в неопиcуемый хаос броуновского движения вещей, неуклюже болтая руками и ногами в тщетных попытках восстановить утерянный порядок окружения и свое собственное положение в нем. А это окружение тем временем, плавно вращаясь, продолжало уплывать от меня, как будто осознав свою скоропостижную ненужность. Я был словно эпицентром Большого взрыва внутри моего собственного сознания. Мне предстояло строить мою новую Вселенную. Или, скорее, наблюдать за ее формированием в хаосе бесконечного созидательного разрушения...

Я медленно приходил в себя. Стены и предметы плавно возвращались на подобающее им место, как усталые тусовщики разъезжаются по домам после полуночной вечеринки. И вот вроде бы уже все на своих местах, как будто ничего и не происходило, как будто бы Вселенная не взорвалась и не построилась снова. Вроде все как было. Но что-то изменилось. Я не мог понять, что именно. У меня появилось отчетливое

ощущение, что все предметы вокруг вдруг стали иллюзией, утратили свою суть, свою внутреннюю настоящесть, которая только и оправдывала то существование, которое они вели.

Я попытался стряхнуть наваждение, и оно отступило, спряталось в темный угол где-то в глубине подсознания, как коварный зверь. Для меня пришло время действовать.

Я поднялся со стула, вышел на середину комнаты и застыл там. Сотрудники прервали свои привычные разговоры и с удивлением уставились на меня.

– Я ухожу. В смысле, совсем. Больше не буду здесь работать.

Я внимательно посмотрел каждому в глаза, повернулся и в полной тишине вышел. Таков был момент моего триумфа.

В кабинете начальника все в той же тишине я написал заявление об уходе. Тишина как будто как приклеилась ко мне на какое-то время, всем своим видом показывая, что так себя здесь не ведут, просто так, по собственному желанию отсюда никто не уходит.

Нет, конечно, меня здесь никто особо не любил, да и глупо было бы этого ожидать. Здесь вообще никто никого не любил, и это было в порядке вещей. Каждый втайне мечтал вырваться из этого болота, найти наконец свое призвание, или хотя бы дорасти до начальника, чтобы не так обидно было продавать свою жизнь. Но стать начальником везло немногим – в основном блатным либо тем, кто лучше всех умел перегрызать глотку другим. А просто уйти никто, конечно

же, не решался. Но как раз потому, что и другие не решались, соблюдалось определенное равновесие, позволявшее никому не чувствовать себя трусом. По крайней мере, не трусливее остальных. Я нарушил это хрупкое равновесие.

Конечно, я сохранил причину своего ухода в тайне. Пусть себе думают, что хотят. Строить догадки – это любимое человеческое занятие. Особенно строить догадки, чтобы оправдаться, почему все идет не так, как хочется. И почему жизнь не удалась. Ну что ж, теперь у них будет о чем поговорить, по крайней мере на неделю. Потом чувство зависти и собственной никчемности притупится – естественная защитная реакция, чтобы не довести себя до самоубийства, – и все войдет в норму. Так бывает всегда. Только я к этому более не имею отношения.

По дороге домой, в автобусе, наполненном оживленно что-то обсуждающими людьми, чувство всепоглощающего одиночества вдруг заполнило меня до краев. Я больше не часть их мира. Хотя, собственно говоря, таковым себя никогда и не чувствовал. Теперь мне нужно заново строить свой собственный мир, где все будет по моим, моим личным законам. И этому автобусу в моем мире не место.

* * *

Я улыбнулся, заметив, как изменилось лицо девушки-операционистки при взгляде на сумму платежа.

– Да, я желаю перечислить триста тысяч долларов на счет этого инвестора. Деньги должны работать, правда?

– Конечно. Конечно, – как будто пытаюсь неизвестно зачем сама себя в этом убедить, ответила девушка, пряча взгляд в бумагах.

– И сто тысяч на мою «визу», пожалуйста.

– Сейчас.

– А шестьсот пусть пока побудут у вас на депозите, – мне доставляло неизъяснимое удовольствие издеваться над ее завистью. «Что, думаешь, везет же людям? Тоже хочешь миллион? Все хотят! На вот, почувствуй, как звучат эти волшебные слова, почувствуй их сладкий вкус, посмакуй его... Мечтаешь, да? Мечтай, мечтай...»

Во второй раз я покидал банк с чувством полной победы на всех фронтах. Это чувство постепенно становилось моим постоянным спутником, и я начал к нему привыкать. Мне больше не хотелось прыгать, орать и бить кулаками о землю – нет, я вышагивал с гордо поднятой головой, походкой человека, для которого нет ничего невозможного, и потому безмерно собой довольного.

Я вышел на улицу и остановился на полированных мраморных ступеньках у входа в банк. Погода была замечательная. Высоко в чистейшем голубом небе без единого облака летали, веселясь, маленькие силуэты птиц. Воробьи или ласточки, а может, еще кто-то, отсюда было не разобрать. Автоматические поливалки с размеренным шипением брызга-

ли переливающейся на солнце радугой траву в аккуратных газончиках. Чуть заметный ветерок слегка массировал ветви деревьев, и они удовлетворенно покачивали своими листьями в такт его расслабляющим движениям. На улице, как всегда в час пик, замерли в молчаливом ожидании машины, и потные водители, высунувшись из открытых окон своих обездвиженных железных коней, вполголоса обменивались недовольством. По тротуару обыденно спешили куда-то самые разные люди, схожие между собой выражением усталой спешки на лицах. «Все как обычно, – подумал я, – только в одном отличие: у меня на счету лежит миллион долларов». Я улыбнулся яркому солнцу и своим мыслям, спустился с лестницы и поймал такси. Сегодня прекрасный день для начала новой жизни.

II

– Мама дорогая, роди меня обратно... – прошептал я еле слышно, парализованный масштабностью открывшегося передо мной зрелища.

– ЧЕГОООО?!!

– Я говорю, во это блин зажигалово!!! – склонившись к уху Сандера, проорал я что было сил.

– А ты как думал!!! Это же Москва!!! – ответил Сандер и двинулся, пританцовывая, прямо в центр беснующейся толпы.

Мы были на дискотеке. Диджей играл свои хаус-ритмы, казалось, прямо на моих барабанных перепонках. Белые вспышки прожекторов выхватывали части огромного организма танцпола, словно делая внезапные фотографии его многочисленных рук-ног-тел-голов, замерших на мгновение в самых странных позах. Разноцветные лучи лазеров рисовали причудливые узоры в тонкой прослойке дымного воздуха между массой танцующих и черным, почти невидимым потолком. Тут и там высились столбы-клетки с полуобнаженными танцовщицами; на громадных экранах позади диджея ритмично сменяли друг друга психоделические компьютерные образы. Словом, то же самое, что и в моем городе, только раз в десять больше, шумнее, масштабнее и дороже...

Александр – он предпочитал, чтобы его называли имен-

но так – мой московский друг. Ну, может, не так чтобы друг... Когда-то мы учились с ним вместе, а потом он уехал жить в Москву. Надо сказать, неплохо там устроился, быстро нашел работу в хорошей фирме, и сейчас уже был преуспевающим архитектором, жил, что называется, на полную катушку и нисколько этого не стеснялся. Я, признаться, всегда ему несколько завидовал.

Я приехал в Москву в тот же день, когда получил деньги. Купил билет на самолет, и через четыре часа, стоя в необъятном зале аэропорта Домодедово, уже набирал телефон Александера, чтобы рассказать о моем внезапном прибытии и необходимости срочно что-то с этим делать.

Что мне всегда нравилось в Александре, так это его обычай не лезть в чужие дела. Скорее всего, это ему было просто неинтересно. Сандер – так я называл его для краткости – был всегда субъектом весьма самодовольным и эгоцентричным; сейчас эти его качества мне были на руку, так как рассказывать кому бы то ни было о моих финансовых успехах совершенно не входило в мои планы. Как я и ожидал, Сандер даже не поинтересовался, чего ради я приперся в Москву, но на предложение «посетить самую клёвую дискотеку этого города за мой счет» отозвался с готовностью – «зажигать» он любил, а кроме того, с его-то внешними данными и безбашенным характером любой ночной клуб, как правило, становился местом «успешного съема» девочек на ночь. Это он тоже любил.

И вот мы здесь, в самой гуще танцующей массы. «Keep on dancing», – звучит из динамиков тонкий голосок безымянной певички, еле слышный на фоне всепоглощающих басов. Толпа подхватывает нас своими мощными импульсами, вгоняет в рамки жесткого ритма, навязывает свои движения. Я теряю Сандера из виду, но это уже неважно – кажется, будто я уже пьян, хотя еще ничего не пил, словно здесь на всех одна вена, по которой невнятно-беспорядочными толчками из последних сил циркулирует мутная, обильно разбавленная алкоголем кровь, и я теперь – часть этой дряхлой, смердящей кровеносной системы, маленький сосуд в теле гигантского умирающего организма...

– Ну, и какой же все-таки сегодня повод? – с трудом перекрикивая басы, осведомился наконец Сандер, когда мы уже с полчаса сидели на стильном кожаном диванчике, отдыхая, в обществе двух совсем юных девиц модельной внешности. Девицы потягивали коктейли из высоких стаканов, мы с Сандером уже успели опустошить полбутылки «Джека Дэниэlsa».

– Повод? Повод простой. Жизнь хороша, и жить хорошо! Кажется, так Высоцкий пел? – ответил я, наливая себе виски.

– А ты еще Высоцкого помнишь... Уважаю, старичок! Ну, девчонки, за Высоцкого! – отвесил Сандер, доверительно склонившись к девчонкам. Девчонки смущенно-послушно заулыбались. Что говорить, девушки всегда были от него без ума. Харизма настоящего мачо.

– Значит, скрытничаете? – заговорщицки осведомился он, наклонившись уже ко мне. – Слушай, ты так вдруг ни с того ни с сего прилетаешь в Москву, с одной своей почтальонской сумкой, да сразу на блядки – это что-то да значит, верно? – Сандер построил физиономию следователя по особо важным делам.

– Ладно, Алекс, не мучай себя излишними размышлениями. Просто срубил вот бабла... Хочу погулять немного. Вкусить сладкой жизни, так сказать. Может, машину себе куплю еще. Кстати, поможешь?

– Ма-а-а-а-ши-и-и-и-ну-у-у-у? Неужели созрел наконец?

– Да вроде того.

– И какую же машину хочет наш разбогатевший Буратино?

– «Лексус».

Он присвистнул и откинулся на спинку дивана.

– Слышь, девчонки, завтра мой горячий южный друг покупает «лексус»! Ну что, товарищи, нет повода не выпить?

– За «лексус»! – хором пропели захмелевшие от мартини и сексуальности Сандера девушки. Кажется, впервые за вечер обе удостоили меня заинтересованно-кокетливыми взглядами.

– А ты нас покатаешь?

– Да, мы завтра как раз свободны!

– А чем ты занимаешься?..

Я молча допил свой виски и, не закусывая, вышел из-за

стола. Это общество начало меня слегка раздражать.

Сандер застал меня у раковины в туалете.

– Ну ладно, давай колись, где столько бабла нарыл? – спросил он.

Я продолжал молча тереть руки мылом.

– Только не говори, что честным трудом заработал, днем и ночью трудился, на хлебе и воде жил. Я взрослый мальчик, в сказки уже не верю.

– Слушай, Сандер, я не хочу об этом говорить. Давай оставим эту тему.

– У-у-у, все так серьезно? Ну смотри, старичок, если нас с тобой повяжут, будешь потом меня за свой «лексус» выкупать.

– Расслабься. Никто тебя не повяжет. А про «лексус» я просто перед телками рисанулся. – Я решил, что лучше будет заняться машиной в одиночку. В конце концов, «лексус» производит не так много моделей, чтобы мне понадобилась сандеровская помощь в выборе.

– Серьезно? Ха! Ну ты блин мастер! А я, дурак старый, повелся!

Сандер с едва заметным облегчением хлопнул меня по плечу. Как ни крути, а все-таки чего бы стоило его самодовольство, если бы такой неприметный провинциал, как я, вдруг купил его мечту?

– Ладно, пойдем к подругам, – сказал он, отрывая бумажное полотенце. – Пора их домой везти, они уже набрались по

самое не могу. Возьмешь ту, что поменьше?

– Сандер, я от нее не в восторге.

– Да брось ты себе мозги парить, ты же развлекаться приехал. Нравится – не нравится, после разберешь. Наслаждайся. Будет ломаться – предложишь полсотни гринов. Ну максимум сотню. Больше она не стоит. У тебя есть сотня?

– Есть.

– Ну вот и отлично. Вперед, под танки, товарищ!

И, напевая нарочито-пьяным голосом песню про трех танкистов, Сандер двинулся на выход из туалета.

Я молча уставился на свое отражение, оперевшись руками на раковину. Зазеркальный я слегка покачивался и расплывался, но глаза упорно сверлили меня-тутошнего укоризненным взглядом. «Опять напился», услышал я почему-то слова матери.

Вдруг память перенесла меня на много лет в прошлое, когда я впервые, набравшись до зеленых чертиков, среди ночи притащил домой девчонку.

Мне было семнадцать или восемнадцать, девчонка – года на три старше. Я тогда жил у родителей. В тот вечер мы долго гуляли где-то с компанией, причем так, что к концу вечеринки ни у меня, ни у нее не осталось ни копейки денег. В то время это было нормальное состояние – мы были студентами, родители были небогаты, и все, что мы могли себе позволить на повышенную стипендию – это полуторалитровая пластиковая бутылка дешевого пива раз-два в неделю. Но

тогда нам и этого хватало, мы были влюблены – толи друг в друга, толи в саму жизнь, – и наличие либо отсутствие денег практически ничего не меняло – любовь не требует больших расходов.

Короче говоря, ни у меня, ни у нее не было денег, чтобы заплатить за такси. Такси вообще было для нас непозволительной роскошью, которой мы пользовались только в случае крайней необходимости. Вот как сейчас. Оба были пьяны, на улице – ночь, дойти пешком до ее дома совершенно не представлялось возможным. Поэтому я повел ее к себе, надеясь, что мы сможем прошмыгнуть в мою комнату и всю ночь заниматься сексом, не разбудив родителей. Конечно, если бы я был трезв, такая мысль даже не пришла бы мне в голову – я знал, что мать спит очень чутко, и конечно услышит, как я открываю дверь. И уж тем более поймет, что я не один. Но тогда кровь моя была обильно растворена алкоголем и тестостероном, и думать реалистично совершенно не получалось.

Мы зашли в квартиру, стараясь не шуметь. И первое, что я увидел – это укоризненные глаза матери. Заплетающимся языком я пробормотал что-то вроде «сегодня она останется здесь», пошатываясь, прошел в свою комнату. Девчонка нерешительно двинулась вслед за мной. Мать не сказала ни слова.

Ничего не сказала она и на следующий день. И на следующий.

Вскоре мы с той девчонкой расстались.

Я отвел глаза от своего отражения. Где-то там, за тяжелой дверью туалета продолжала греметь музыка, Сандер прибалтывал девок поехать к нему домой, заказывал еще коктейлей с мартини (кажется, решительно все девушки теряют самообладание под действием Сандера, смешанного с мартини), а люди на танцполе продолжали колебаться, как молекулы в кристалле, вроде каждый – сам по себе, но в то же время – неотъемлемая часть общей массы; отрезви каждого в отдельности – и масса перестанет существовать.

Я умылся, вытер лицо бумажным полотенцем, убедился в презентабельном состоянии своего отражения, и вышел навстречу шуму, людям и первобытным инстинктам, обычно скрывавшимся за ширмой приличий, а здесь – выплескивавшимся наружу под жесткие ритмы музыки, не очень изменившейся со времен шаманов и ацтеков.

– Ээээй, мистер Лексус, почтил нас наконец своим присутствием! – Сандер казался основательно пьяным, но я не мог разобрать, в самом ли деле его так развезло или он просто играет. – Давай расплачиваться, а то девушки уже хотят в постельку!

Девушки громко засмеялись. Они-то были точно пьяны. Я улыбнулся, заплатил по счету, вылил в свой стакан остатки вискаря, в три глотка опустошил его и пошел к выходу. Алекс с компанией двинулись следом.

– Так значит, ты из провинции? – низким эротичным голосом толи спросила, то ли просто констатировала девушка, отписанная мне Сандером, когда мы сидели, тесно прижавшись друг к другу, на заднем сиденье такси. Виски крепко ударило мне в голову, и ее слова как будто кружились где-то около меня, обволакивая своей истомой, но не давая постичь их смысл.

– Чего?.. А, да. С юга...

Она, видимо, решила, что разговаривать больше не имеет смысла, наклонилась ко мне и коснулась моих губ своими мягкими расслабленными губами со сладким вкусом помады и мартини. Слегка поиграв, отстранилась и с выражением самодовольства во взгляде спросила:

– Ну как?

Я не нашелся, что ответить. Да ответ ей, скорее всего, был и не нужен. По-своему истолковав мое молчание, она вновь приникла к моим губам, прижавшись своей полной грудью к моей груди, и я тут же ощутил, как в моих штанах просыпается неслабое желание, несмотря на обильную дозу алкоголя. «Джеку дэниэлсу» удалось прогнать лишние мысли, оставив тело в плену инстинктов. Ни до каких приличий уже никому не было дела.

Такси остановилось у сандеровского дома. Тесно прижи-

маяс# друг к другу, мы – две пары пьяных случайных любовников, – спотыкаясь, целуясь и хохоча, выбрались из машины, доплелись до лифта, поднялись на шестой этаж и завалились в темную сандеровскую квартиру. Свет никто не включал – он был нам не нужен. Разошлись по комнатам, на ходу расстегивая одежду, которую еще не успели расстегнуть друг на друге в такси.

Я уже не помню, как оказался в горизонтальном положении. Шторы в комнате были задернуты, окна закрыты, и, несмотря на свет и гул никогда не засыпающего города, здесь было тихо и темно – хоть глаз выколи. Я не видел, на чем лежал, только осознавал жесткую поверхность под своей спиной, которая начинала качаться, стоило мне закрыть глаза. На своих бедрах я ощущал тяжесть и тепло чужого тела; чьи-то руки снимали с меня рубашку, губы целовали грудь и шею; в крошечной тьме надо мной виделось какое-то движение – вверх-вниз; я почувствовал, как с меня снимают брюки и обнажают член. Через мгновение я почувствовал горячее прикосновение губ и языка; я непроизвольно закрыл глаза и тут же снова их открыл, испугавшись, что поверхность подо мною сбросит меня в пропасть темноты. Губы на моем члене производили несложные процедуры, со знанием дела причмокивая и издавая громкие глотательные звуки.

– У тебя есть презик? – члену вдруг резко похолодало, и из темноты выплыл силуэт головы, блеснули белки глаз. Спустя долгие секунды откуда-то из глубины сознания всплыл

смысл набора звуков, пролетевших мимо моих ушей.

– Нет.

– Ладно, у меня есть. Ты не видишь мою сумочку?

– Я даже тебя не вижу.

Вздых – и тяжесть на моих бедрах исчезла. Раздались шаги, где-то включился свет. Я почувствовал, как напряжение стало быстро спадать.

Свет погас, уступив место разноцветным кругам, быстро меняющим свое очертание и местоположение.

– Уфф, ну вот.

Раздался треск разрываемой упаковки.

– Что, уже все? Ладно, попробуем еще раз.

Я вновь ощутил губы, старавшиеся вернуть к жизни мое угасшее желание. Через несколько минут бесплодных попыток движения прекратились, раздалось какое-то шуршание, щелчок, вспышка – и во тьме замаячил красный огонек сигареты.

– Курить в постели опасно, – сказал я первое, что пришло в голову. – Можно вызвать пожар.

– Да пошел ты, пожарник хренов... – в темноте снова возник неясный силуэт. Я понял, что девушка собирает вещи.

– Э-э-э... – я хотел что-то ответить, но передумал. Странная девка. Нервная какая-то.

Через минуту хлопнула входная дверь.

Я остался один. Из соседней комнаты доносились знакомые звуки – Сандер трудился вовсю. Я перевернулся на жи-

вот, как мог крепко, чтобы не свалиться от поперечной рас-
качки, уцепился руками за то, что считал подушкой, и за-
крыл наконец глаза.

III

– Эй, Сандер, тебе что ли на работу сегодня не идти?

Сандер нехотя перевалился на бок.

– Отвали, а? Какая в жопу работа... Будь другом, минералки мне налей... Сколько там натикало?..

Я достал мобильник – в доме Сандера часов не наблюдалось. Счастливый, наверное...

– Полдвенадцатого. Дети уже из школы вернулись.

– Чего? Какие дети?.. А-а-а... хм... ты еще шутить изволишь... а девки где?

– Еще ночью свалили.

– А-а-а... Ну... туда им и дорога. Надеюсь, не сперли ничего.

Сандер приподнялся на руках и посмотрел в зеркало, встроенное в стену прямо над спинкой кровати.

– Ё-о-о... – и рухнул обратно. – Не то морда, не то жопа...

– Сандер, я там завтрак сбавал. Пожрать у тебя особо нечего, так что не привередничай. Подъем, мне надоело одному на кухне торчать.

– Хо... Ты моя хозяйюшка...

– Да пошел ты...

В холодильнике Сандера мне удалось найти зачерствелый хлеб, высохшую покусанную пиццу, остатки сыра, два пожухлых банана, по полбутылки мартини-бьянко и «джеймсона» и много пива. В морозилке – непочатая пачкапельмелей. Я налил себе пива, выбросил пиццу в мусорник, и, пока жарились пельмени, нарезал пару бутербродов с сыром, разогрев их в микроволновке, так, чтобы сыр растаял.

К моменту, когда сонный Сандер, потирая глаза, водружился на стул, я уже допил пиво и налил две кружки горячего кофе.

– Вот. Давай, взбодрись. Ты мне сегодня еще нужен.

Сандер взял стоявшую в углу полупустую бутылку минералки, в три глотка опустошил ее, и принялся разглядывать приготовленную мною еду.

– Да-а-а... наконец-то что-то горячее на завтрак... спасибо, хозяйюшка!

Я молча жевал пельмени. Сандер тоже замолчал. Так мы и сидели – друг напротив друга, на высоких стульях у барной стойки, заменявшей Сандеру обеденный стол, вяло пережевывая небогатую пищу и запивая безвкусным растворимым кофе, пытаясь собрать воедино все запчасти своего тела в единую машину под гордым названием «человек».

За окном стоял солнечный полдень, слишком солнечный

для наших привыкших к полумраку глаз; слышался отдаленный гул машин и щебетание птиц. Город продолжал жить как ни в чем не бывало.

– Хорошая у тебя квартира, – я первым нарушил тишину. – Стильная.

– Ага, – кисло отозвался Сандер, – точно.

Было заметно, что эта тема его не очень вдохновляет.

Мы снова замолчали.

– Ты знаешь... – Сандер поставил пустую чашку на стойку и перевел взгляд за окно, прищурился от яркого света. – Все это как-то... не так.

– Ты о чем?

– Да не знаю... вот у тебя бывало чувство, что ты живешь не своей жизнью?

Странно было слышать подобные изречения из сандеровских уст. Я решил промолчать.

– Как будто все, что тебя окружает, – ненастоящее? Вот эта квартира, например. Стильная, да. А может, мне не нравится этот стиль? Может быть, я люблю, чтобы было все просто. Просто и уютно, как дома, там, у родителей. А вот поди ж ты... Обязательно надо, чтобы стильно. Иначе ты – неудачник, лох, или кто еще там.

Вот ты говоришь – «лексус», «лексус». У меня была подержанная «королла», теперь – новенький «авенсис». Я мечтал о нем, вкалывал до потери пульса, взял кредит... все мне думалось: вот поменяю машину, и жизнь изменится. Станет

не жизнь, а мечта. И что? Думаешь, хоть что-то изменилось? Черта с два!

Сандер покачал головой.

– Ничего-то, товарищ мой, не меняется, – продолжал он, – все это фуфлю. Глюк пьяный. Просто продолжаешь себе крутиться, как белка в колесе. Потому что «авенсиса» уже мало, и нужен уже «лексус». Вот как тебе.

– Да чего ты заладил, «лексус», «лексус»... Не собираюсь я его покупать...

– Да не в том дело, собираешься или нет. Мне на это в принципе наплевать. Дело в жизни самой. Знаешь, я ведь тебе всегда завидовал.

– Что?!

– Ты всегда был как-то выше этого. Делал не то, что все вокруг считают правильным, а то, что считал правильным сам.

– Сандер, ты часом на солнце не перегрелся? Ну-ка отсыдь от окна, вы, москвичи, такие нежные...

– Да брось ты. Ничего я не перегрелся. Задолбало меня это все. Бабы эти, машины, клубы... задолбало. Знаешь, как хотел бы я вернуться домой, стать обычным человеком, вот как ты, работать на простой работе, с такими же простыми людьми, может, жениться наконец... детей завести...

– Сандер...

– А вот не выйдет. Смелости не хватит. Все уже, где лапка увязла, всей птичке пропасть. Затянула меня эта жизнь,

затянула... «город-сказка, город-мечта»... только сказок не бывает. Это наркотик. Сильнодействующий наркотик. И однажды он меня убьет. Fuckin' убьет.

Сандер замолчал. Я многое мог ему ответить – что это не он мне, а я ему завидовал, что о такой жизни, какую ведет он, можно только мечтать, что я и сам теперь – часть этой всеобщей мечты... но не ответил. Мы молчали, а город продолжал себе гудеть мириадами людей и машин, совершенно не обращая внимания на двух одиноких людей из разных миров, ставших вдруг такими близкими.

– Ладно. Неважно. Ну что, какие планы? Сегодня я в твоём полном распоряжении.

– А твоя работа?

– Да брось. Позвоню, скажу, как есть – что перепил вчера, друг из родного города приехал, шеф поймет – он нормальный мужик. Встреч с клиентами у меня сегодня не назначено, так что все в порядке. В конце концов не каждый же день друзья детства в гости приезжают.

– Ну, дело хозяйское... – я почесал шею за ухом. – Тогда показывай, где тут у вас самые шикарные магазины!

– Ну это без проблем. Дай только привести себя в порядок. А то нас еще за бомжей-алкашей примут.

Сандер жил в трехкомнатной квартире на шестом этаже «сталинского» дома на Ленинском проспекте; бомжи-алкаши в таких не живут. На эту тему он часто шутил, что живет в окружении вождей мирового пролетариата, с таким видом,

будто и сам без двух минут вождь. Девчонки, для которых разыгрывалась эта пантомима, неизменно смеялись – отчасти потому, что Сандер умел рассмешить, отчасти – потому что того требовали приличия: за шуткой должен был неизбежно последовать смех.

Год назад Сандер сделал в квартире капитальный ремонт, снеся половину стен и заменив их толстыми колоннами и балками, отчего квартира из стандартной «трешки» превратилась в некое обширное помещение без четкого разделения. Его шеф – руководитель одной из известнейших архитектурских фирм города – помог получить на все это разрешение. Стены и потолки со сложным рельефом были выкрашены в кипельно-белый цвет, на полу выложен дубовый паркет, тут и там красовались абстрактные картины и фигуры. Что ни говори, а ремонт был сделан на славу, по последнему слову дизайнерского искусства. Сандер готовил проект сам, и очень этим гордился. По крайней мере, так мне казалось. Единственным минусом этой квартиры было то, что она более напоминала некую пафосную арт-галерею, чем жилое помещение. Чего-чего, а вот домашнего уюта там не было ни на грош.

Дожевав завтрак, Сандер отправился в душевую. Я передвинул стул к окну и тупо уставился на улицу внизу. Москва жила в прежнем ритме; на первый взгляд, ничего не изменилось с тех пор, как я приезжал сюда в последний раз. Было это в апреле прошлого года, я был здесь проездом – оста-

новился на ночь у Сандера перед вылетом на отдых в Египет. Тогда еще сандеровская квартира была ничем не примечательной «трешкой», все еще носившей на себе следы старых хозяев – пожилой семейной пары, решившей покончить с жизнью в шумном центре и переехать в домик где-то в Подмосковье. Сандер тогда только-только закончил расплачиваться со всеми кредитами, которых в свое время набрал, чтобы купить безумно дорогую даже в те годы квартиру на Ленинском, и пребывал в некоторой эйфории от избытка свободных денег.

Тогда мы не пошли ни в какой клуб, а просто сидели и пили пиво на кухне. Вечерело, и предзакатные лучи солнца окрасили крыши проезжавших по широкому проспекту машин в одинаково золотой цвет. С шестого этажа зрелище было похоже на соревнования по бегу среди интеллигентных жуков-светлячков. Хотя настоящих светлячков я в жизни не видел, и даже не представлял, как они выглядят, не говоря уже о каких-то там забегах. Но почему-то тогда именно эта мысль пришла мне в голову.

Этих автосветлячков я хорошо запомнил. А вот о чем мы говорили, опустошая одну за другой бутылки кисловатого нефильтрованного пива – не помню хоть убей. Я все смотрел и смотрел вниз, время от времени прикладывая к губам бутылку, солнце плавно уходило за стены из похожих друг на друга, как кирпичи, зданий, автомобили один за другим стали зажигать фары, и каждый из них оставлял в глазах по-

сле себя длинный призрачный желтый след. Радио тихо играло какой-то рок, заполняя паузы между песнями невнятным бормотанием или резкими звуками рекламы, а внизу все так же скользили беспорядочные светлячки, исполосовывая темный асфальт своими лучами, словно плетью по телу наступающей ночи.

Сейчас те же автомобили бодро и непреклонно, как жуки-скарабеи, пробивали себе путь среди таких же жуков, честно везя своих хозяев по непонятным для них – скарабеев – делам. Просто потому что так надо, и все. Автомобиль создан для того, чтобы на нем ехать. И точка. Куда, зачем – это не его железного ума дело. Главное – ехать. И эту работу он должен изо дня в день выполнять с честью.

Когда люди куда-то едут, они так и говорят – «я еду туда-то». Хотя на самом деле это их иллюзия – ведь едут не они, а их автомобили, автобусы, поезда, самолеты, сани на оленях и так далее. Люди только указывают, куда надо ехать, а остальное делают за них автомобили (ну или олени, в конце концов). Но у автомобилей и оленей нет тщеславия, а у людей – есть. И поэтому им приятнее думать, что они управляют процессом от начала до конца, и даже преисполняются от этого гордостью – вот, мол, какого зверя приручил, а сколько в нем лошадей-то... и чем больше лошадей, тем больше гордость. Хотя зачем им столько, когда на одного человека достаточно всего одной... Если задуматься, все это довольно странно и очень смешно. Как, впрочем, и многое другое в

нашей жизни. Но это только если задуматься. Большинству людей это несвойственно. Меня такие размышления накрывали в основном на следующий день после обильного отравления алкоголем. А еще говорят, что алкоголь притупляет интеллект.

Шум воды в душевой прекратился. Еще минут через десять оттуда появился изрядно посвежевший Сандер, энергично вытирая свою объемную шевелюру полотенцем, отчего вокруг летели мелкие брызги, делая его похожим на смешно отряхивающуюся после купания собаку. Я невольно улыбнулся.

Через несколько минут мы уже садились в припаркованный под окнами золотой «авенсис». Машина мне сразу понравилась: в ней было удобно и уютно. Даже, пожалуй, уютнее, чем в сандеровской квартире. Сандер не спеша вырулил на проспект, а затем, перестроившись в крайний левый, резко вдавил газ в пол. Моя голова против моей воли откинулась на подголовник, тело отяжелело.

– Ну как, нормально прет? – довольно спросил Сандер, переключая передачу. Голова на мгновение приняла нормальное положение, и снова так же резко откинулась.

– Нормально. Сандер, ты не гони так, я еще жить хочу.

– Да ладно, что ты здесь забыл, в этой жизни-то?

Я внимательно посмотрел на него. Нет, кажется, сейчас он просто шутил. Но неприятное предчувствие, закравшееся куда-то под корку моего сознания еще во время утреннего

разговора, вновь дало о себе знать.

Сандер сбросил и скорость и подал сигнал левого поворота.

– Понтовые мальчишки не должны медленно ездить.

Спустя некоторое время мы подрулили к Красной площади и припарковались в соседней улочке, втиснувшись между двумя одинаковыми черными «мерсами».

– Выходи, пешком пройдемся. Небось забыл уже, как Кремль выглядит?

– Честно говоря, забыл.

– Честно говоря, я и сам забыл.

Я был на площади только один раз, мне тогда было лет десять. То были еще советские времена, перестройка только началась, и везде – даже у входа на Красную площадь – выстраивались длинные очереди. Пожалуй, очередь – это единственное, что я тогда запомнил. Все остальное стерлось и растворилось, как и большинство других моих детских впечатлений. Помню, что впечатление было, а каково оно, о чем – не помню, хоть убей.

Мы прошли быстрым шагом вдоль Кремля, не говоря ни слова. Каждый думал о своем. Или, скорее, ни о чем. Мы просто шли, а летний ветер то и дело порывисто взъерошивал волосы.

– Ты был в «Охотном ряду»? – спросил Сандер.

– Не-а.

– Тогда сюда и зайдем.

И мы вошли в стеклянные двери универмага.

Внутри все было в лучших традициях дорогих магазинов – полированный мрамор, точечные светильники, стекло и металл. Дорогой лифт со стеклянными стенками, опускавший нас на несколько этажей под землю. Странно, – подумал я. – Магазин под землей. Странно.

Я купил себе летний костюм от Ferre, светлый в разномастную полосочку, три тонких белых сорочки Armani, футболку и джинсы. Еще купил летние спортивные туфли (летние они только для Москвы, в нашем городе в таких можно ходить максимум до поздней весны), большие солнечные очки, плавки и вьетнамки, правда, уже не известных мне брендов, но с одобрения Сандера. Он, кажется, знал толк в подобных вещах. Чтобы сложить все покупки, пришлось купить еще большую спортивную сумку. В примерочной я покидал в нее и одежду, в которой пришел, переделся в костюм, нацепил для полноты картины солнечные очки и вышел. Сандер заплодировал.

– Прямо как с обложки спрыгнул! – одобрительно улыбнулся он. Я довольно кивнул.

Мы вышли из универмага, дошли до машины, я кинул сумку на заднее сиденье и аккуратно, чтобы не помять новый костюм, водрузился на переднее.

– Оказывается, я люблю дорогие магазины, – сказал я.

– Покажи мне человека, который их не любит, – Сандер щелкнул ключом зажигания.

– Я. Я их не любил. До сегодняшнего дня. Раньше они казались мне слишком... расфуфыренными какими-то. Мне не нравилась вся эта мишура из стекла и мрамора. Непроизводительные затраты. Неоправданная роскошь. Мне казалось, там ходят только люди, для которых цель жизни – произвести впечатление на окружающих. И вот тебе раз: я сам среди них, слушаю рассуждения красавиц-продавиц о последних тенденциях моды, выкладываю полторы своих месячных зарплаты за летний костюмчик...

– Да, кажется, ты заглотиł наживку. Смотри, как бы не войти во вкус. Это затягивает, как водоворот.

– Да ладно. Уж я-то смогу остановиться. Кроме того, у меня достаточно денег, чтобы позволить себе насладиться этим блестящим миром на полную катушку...

– Ты же говорил, что этот костюм стоит полторы твоих зарплаты?

Я понял, что сказал лишнего. Но я пребывал в эйфории, мои мечты сбывались, и сейчас мне было уже все равно – пусть Сандер все знает. В конце концов, мы с ним вдруг так сблизились.

– Да. Но это было раньше. Я больше не работаю, Сандер. Я выиграл в лотерею. Выиграл... триста тысяч, – в последний момент я решил не быть-таки откровенным до конца.

Брови Сандера поползли вверх.

– Триста штук? Баков? Ну ни фига себе! Вот это да-а-а...

– Ну что, сможешь мне купить «лексус»? – прервал я

его восторженные излияния, пока они не успели перейти в зависть.

– Ты сегодня мой господин! «Лексус» так «лексус»!

* * *

Пока мы ехали, сначала пробираясь между плотными рядами машин на улицах центра, а затем набирая приличную скорость на длинных прямых участках МКАДа, я рассказал ему историю своего внезапного богатства.

Сандер некоторое время молчал.

– И что ты планируешь делать с остальными деньгами, если не секрет?

Он зарулил на парковку около огромного торгового центра. Несколько минут мы искали свободное место.

– С остальными?

– Ну да. После «лексуса» у тебя останется больше двухсот штук. Двести пятьдесят, наверное. Можешь купить квартиру в Москве, начать новую жизнь, типа.

Я подумал немного.

– Да ты знаешь... не очень я люблю Москву. Здесь слишком быстрый ритм. Все куда-то спешат, везде толпы народу, машин тоже – на дорогах не протолкнуться. А потом... ну что такое, например, «лексус» в Москве? Ничего особенного, здесь их тысячи. А у нас в провинции, если у тебя «лексус» – значит, ты уже на вершине айсберга. Ты взял самую

высокую планку. Это много значит.

Мы вышли из машины и направились к громадному зданию из стекла и металла.

– Знаешь, а я бы хотел, чтобы ты переехал в Москву. С работой я бы тебе помог, а уж квартиру подобрать да ремонт сделать – вообще как два пальца, ты понимаешь.

– Да... Ну а тебе-то какой в этом понт?

– Ты, пожалуй, единственный человек, которого я мог бы назвать другом, – ответил он после короткой паузы. – Да и возможностей тут гораздо больше. Все же мечтают сюда переехать, а у тебя вдруг шанс появился – так чего ты медлишь?

– Да я ж тебе говорю. Не для меня этот город. Честно говоря, ни в одном городе я пока не смог сказать, типа, «вот, это то место, где я хотел бы жить». В принципе, конечно, я еще мало где побывал. Поэтому собираюсь в кратчайшие сроки ликвидировать это недоразумение.

– Путешествовать поедешь?

– Ага. Хочу полмира объехать. А лучше – весь мир. Тогда и решу, что дальше делать.

Мы вошли в торговый центр и направились в сторону, куда указывала стрелка с надписью “Lexus”.

– Ладно, а почему именно «лексус»?

– Хм... да-а, долгая история. Неважно. Как-нибудь расскажу.

Черный Lexus GS-300 стоял прямо у входа в павильон.

Как будто ждал меня. «Смотри, хозяин, я здесь, нечего раздумывать, ты так долго меня хотел. Бери же!».

Менеджер салона, мгновенно оценив мой прикид, не медля направился к нам. Открыл машину, чтобы я мог сесть в салон. Все было именно так, как я себе и представлял. безупречные кожаные сиденья, безупречный стиль отделки, безупречный комфорт, и конечно – шикарный руль со скромной буквой “L” в хромированном овале. Я был очарован.

Когда я вылез из машины, мои руки дрожали. Да что там руки, я весь дрожал. Глаза покрылись влажной пеленой, на лице застыла дурацкая улыбка. Я только что побывал в мечте.

Менеджер посмотрел на меня несколько косо. Но мне тогда было глубоко плевать на его взгляд; я прошелся вдоль машины, погладил ее полированные бока, присел около фар, улыбнувшись им, как улыбаются при встрече с другом, которого не видел сто лет; открыл капот и вдохнул запах свежего машинного масла, погладил плиту, укрывавшую двигатель. Наконец я повернулся к менеджеру и спросил:

– Как долго вы будете оформлять документы? Я покупаю эту машину.

– В течение часа, – ответил он, мигом изобразив бесстрастную физиономию. «И почему люди всегда стараются казаться бесстрастными?», – подумал я, но решил, что пораскину мозгами на эту тему в более подходящее время. А

сейчас – я покупаю «лексус»!

Как и обещал менеджер, в течение часа все документы были оформлены. Я получил транзитные номера, чтобы зарегистрировать машину в родном городе, и мы с Сандером отправились к специальному выезду, через который должны были выгнать моего нового железного друга.

IV

На следующий день Сандер поехал на работу, а я отправился кататься по улицам Москвы.

Вообще водитель из меня неважный. Машины у меня никогда не было, правда, я время от времени брал ее у отца, чтобы съездить по делам или, что чаще, просто покататься с приятелями или девушкой. Во времена, когда я еще жил с родителями, машина служила одновременно и сексодромом.

«Лексусом» было управлять гораздо проще и приятнее, чем отцовской «десяткой». Только очень уж он большой оказался. Из-за непривычного его размера мне приходилось ехать особенно осторожно, что на улицах Москвы, где все носятся со скоростью света, было весьма нелегко.

Я без особой цели проехался по Ленинскому, то и дело сворачивая на другие улицы, названия которых как правило не успевал разглядеть, но потом неизменно возвращаясь на проспект. Чтобы не потеряться. Постепенно я привыкал к ритму движения и характеру машины. Что ни говори, а московский ритм подходил ей практически идеально. Узенькими разбитыми улицами моего города, с их короткими стометровками от светофора до светофора она будет недовольна, подумалось мне.

На одной из улиц, куда завели меня эти бесцельные блуждания, на глаза попала вывеска турагентства. Перед ним

как раз было свободное место для парковки. Не раздумывая, я ударил по тормозам и на черепашьей скорости вполз между блестящим красным «пежо» и темно-синим потертым «бмв».

Я вышел из машины – мой «лексус» бодро подмигнул мне поворотниками, когда я нажал на кнопку сигнализации, я подмигнул ему в ответ, – и с видом человека, радующегося жизни на полную катушку (и это было вовсе не притворство) распахнул дверь турбюро.

– Я бы сегодня пиццы поела, – не обращая на меня никакого внимания, капризно-мечтательным тоном заявила гламурная блондинка за стойкой ресепшена. – Или жульен, – я заметил, что в очаровательном ушке говорящей Барби красуется беспроводная гарнитура.

– И все же здравствуйте! – с ироничной улыбкой, громко и отчетливо заявил я.

Барби окинула меня неприязненным взглядом.

– Ладно, Свет, я тебе чуть попозже перезвоню, тут клиент... пришел, – у нее явно крутилось на языке какое-то другое слово для обозначения моего внезапного появления. «И чего мне одни суки-то попадаются?» – весело подумал я в ответ.

– Подскажи мне, красавица, кто тут у вас занимается всяким элитным отдыхом? – нарочито фамильярно спросил я, не дожидаясь ее дежурной фразы. Девушка изобразила подобие улыбки – это далось ей с заметным трудом.

– Элитным? Вот туда пройдите, пожалуйста, ви-ай-пи кабинет, – она показала рукой направо от себя.

– Благодарrrrrrrрю, – я решил более не удостаивать блондинку вниманием, которого у нее и так, видимо, избыток, и широким решительным шагом, глядя прямо перед собой, двинулся к дорогой деревянной двери с табличкой V. I. P. Настроение мое было замечательным.

Кабинет был обставлен на подобающем уровне в стиле хай-тек. Стильный диван из светло-бежевой кожи, пара дизайнерских круглых кресел, обтянутых каким-то красным материалом, стол из матового стекла и алюминия и такие же шкафы. За столом сидела молодая женщина лет тридцати с небольшим, тоже очень стильная и ухоженная – под стать кабинету, – хотя и не блиставшая такой кукольной красотой, как девушка на ресепшене. Я улыбнулся ей, она улыбнулась в ответ.

– Здравствуйте! Проходите, пожалуйста. Садитесь, – легким жестом она показала на одно из красных кресел у стола. – Меня зовут Людмила, – она придвинулась к столу. – Куда бы вы хотели поехать?

Куда бы я хотел поехать, я и сам не знал. Я хотел поехать всюду и сразу. Поэтому попросил Людмилу рассказать мне о разных странах так, чтобы я смог определиться, куда я хочу сначала. И она принялась рассказывать.

Что говорить, рассказывать она умела. Наверное, во всех тех странах, о которых она говорила, она побывала сама.

Иначе, мне кажется, невозможно в таких красках и так восторженно обо всем этом рассказать. Слушая ее, я словно вылетел из своего тела; моя душа то возносилась к ослепительно-снежным вершинам Гималаев, то спускалась к туманным прудам и озерам Китая; плыла по рекам среди джунглей Таиланда и Бразилии, созерцала необъятные просторы Исландии и исполинские водопады Перу, грохочущие фьорды Норвегии и зеленые луга Нормандии; наблюдала Париж с вершины Эйфелевой башни, Шанхай – с катера на реке Хуанпу, Нью-Йорк – с крыши Эмпайр-Стейт-Билдинг... Я понял, что, видимо, выбрать так и не смогу: мне по-прежнему хотелось поехать всюду. Поэтому я попросил у девушки листок бумаги, ножницы и ручку. Лист я быстро разрезал на узкие полоски, на каждой из которых написал название страны. Потом перемешал их и вытянул одну наугад. На ней было написано: «Китай».

– Ну что ж, Китай так Китай.

Я выбрал короткий восьмидневный тур, охватывавший всего два города – Пекин и Чендэ, чтобы получить общее представление о культуре страны, не слишком напрягаться в перебежках между экскурсиями и иметь свободное время, чтобы успеть самостоятельно побродить по улицам, вдохнуть их атмосферы, пожить немного этой страной.

Я купил путевку с вылетом через неделю. Как раз неделю оформлялась китайская виза. Значит, еще неделю мне предстояло гостить у Сандера.

* * *

– Сандер, ты не против, если я у тебя еще на неделю задержусь, пока будет виза оформляться?

– Да ради бога. Хоть на месяц. Все равно один живу. А так – хоть готовить кто-то будет.

– Меркантильная твоя душа!

– Да, я такой. А куда собрался?

– В Китай.

– А-а-а. Хорошо. Говорят, красиво там, в Китае.

– А ты туда не ездил?

– Не-а. Все тоже собирался, да вот... то времени нет, то денег...

– Хочешь, поехали вместе!

– Я бы рад. Но сейчас меня не отпустят. Большой проект на мне висит, сроки и все такое, ну ты понимаешь.

– Хм. Ну как знаешь.

Мы сидели на кухне. За окном было почти уже темно. Плоский телевизор, подвешенный прямо на стене, показывал какой-то музыкальный канал с выключенным звуком: длинноволосые накрашенные парни с гитарами беззвучно орали свой хэви-мэтал, напоминая, что мы тут не одни, что кроме нас еще существует целый огромный мир, в котором так много людей, что кому-то из них даже приходится в голову играть хэви-мэтал. Сандер методично размешивал сахар

в чашке с чаем, по-видимому, уйдя глубоко в себя; я на скорую руку жарил сырники.

– Сандер, а ты сам не готовишь?

Он оторвал взгляд от чашки и посмотрел в окно.

– Не-а. Зачем? Сейчас полно полуфабрикатов продают, поставил в микроволновку – и готово. Максимум – на сковородке поджарил. И всего делов. Хочешь чего-нибудь особенного – зарулил в ресторан. Зачем время тратить?

– Хм. И правда – зачем?..

Я замолчал. За время своей одинокой жизни я научился довольно сносно готовить и даже полюбил это дело. Конечно, сначала я тоже питался полуфабрикатами, но это быстро надоело. Затем научился готовить свои любимые блюда – сациви, сладкие пироги, потом перешел к более сложным рецептам, и в конце концов, когда только выдавалась свободная от других дел суббота, посвящал несколько часов освоению нового «блюда высшего пилотажа». Поначалу не очень получалось, но с опытом я узнал основные закономерности: какие продукты сколько времени и как надо варить или жарить, какие сочетаются друг с другом, а какие – нет; руки стали работать быстрее, и уже через несколько месяцев я считал себя асом в готовке. Я вообще очень быстро учусь, если предмет мне интересен.

– А мне нравится готовить, – сказал я.

– Вот и совместишь приятное с полезным! Займешься любимым делом, и друга голодным не оставишь! Видишь, как

все в жизни взаимосвязано!

– Симбиоз, блин.

– Ну да, пусть будет симбиоз, – Сандер зевнул. – Не знаю, как ты, но я уже готов впасть в анабиоз. Спать хочу – подышаю. Выдохся я сегодня. Без обид?

– Конечно.

Мы доели сырники, и Сандер отправился спать.

Я немного посидел в одиночестве. В голове крутились какие-то мысли, но ни одну из них мне не удалось поймать и продумать до конца. Я посмотрел на экран мобильного – почти десять вечера. Обычно в это время дома я собирался отправляться на боковую. А вот от Сандера такого не ожидал. Ему рано вставать не надо. Странно. Наверное, и правда устал очень.

Я собрался, взял ключи и вышел прогуляться. Разные мысли болтались в моей голове, будто подвешенные на резинках, и каждая прыгала в своем ритме. Все вместе они создавали подозрительное ощущение чего-то важного, но чего именно – я не в силах был понять.

* * *

Дни стремительно становились все длиннее и длиннее. Точнее, продолжительность дня-то не менялась, просто мне так стало казаться. Вообще я заметил, что, будучи в отпуске, когда завершаешь наконец все накопившиеся дела, которые

постоянно откладывал в долгий ящик, мгновенно пропадает воля к действию. Выражаясь простым русским языком, становится лень. И вот, вроде бы полно свободного времени, вроде бы вот оно наконец – исполнение мечты, долгожданная свобода, как вдруг она – мечта, свобода ли, – становится ненужной и никчемной. Все заслоняет собой лень, и теперь ты сидишь, тупо уставившись в телевизор, или играешь на компьютере, или просто возлежишь на диване, как Обломов, и весь тот праздник, который рисовался во всех красках радуги в твоём воображении, становится такой же рутинной, как и рабочие будни. Разве что не нужно заставлять себя рано вставать.

А теперь отпуск мой был бессрочным.

Сандер утром протирает глаза, наскоро завтракал тем, что я успевал приготовить (мое утро начиналось часа на два раньше, чем его), и уезжал на работу. Мне он отдал запасной комплект ключей, и я был волен уходить и возвращаться в квартиру, когда хотел.

Сначала я просто катался по Москве, наслаждаясь собой и своей машиной, останавливался, если замечал какое-то интересное место или заведение. Однако к концу первого же дня я основательно вымотался – сказался стресс от езды по незнакомым улицам незнакомого города, шума, толкотни и пробок. Особо красивых видов я не нашел, а магазины и рестораны казались довольно однообразными. Мне вообще все довольно быстро надоедает – такой я человек.

Второй день я провел, гоняя фильмы по DVD, дымя кальяном и потягивая настоящее грузинское «Киндзмараули», что купил в магазине по соседству.

На третий день я решил сходить в театр. Хотя театр особенно не любил, но подумал, что было бы странно проторчать неделю в Москве, не зная чем заняться, и не сходить в один из ее знаменитых театров. Я выбрал «Современник» – там как раз шла какая-то комедия с известными актерами. Названия я не запомнил.

Проплутав немного по сложным переплетениям старых улиц центра, я наконец нашел театр. С трудом припарковавшись, купил билет. До спектакля оставалось еще четыре часа, и я решил провести их в кино. Зашел в первый попавшийся кинотеатр, купил билет на ближайший сеанс, заодно купил попкорн и большой стакан пепси-колы, хотя ни то, ни другое особенно не хотел, но так, мне казалось, впечатление от киносеанса будет полнее, и сел на место в середине зала. Шел какой-то боевик, зал был почти пуст, но я честно отсидел положенные полтора часа, неторопливо жуя попкорн и запивая колой. О чем был фильм, сейчас и не скажу. Помню только, что кто-то от кого-то убегал, кто-то кого-то догонял, а зачем – не понять. Как будто при монтаже фильма забыли самый важный элемент, вокруг которого все и было закручено. Или он просто намертво выветрился из моей памяти. Да, память – сложная штука... Иногда поражает такими мельчайшими деталями воспоминаний, что просто дух захватывает.

вает, и как бы переживаешь заново все события так, словно они происходят прямо сейчас, а иногда самое важное – и исчезает, растворяется в воздухе прошлого, оставляя лишь какое-то странное неуловимое послевкусие, и не понять уже – было это на самом деле или только приснилось.

Размышляя над этим вопросом, я уселся в машину. До начала пьесы все еще оставалось почти два часа. Есть мне не хотелось, покупать было уже нечего, и, несмотря на хорошее настроение, я решительно не знал, чем заняться. Подумав немного, решил просто пройтись. Снова вышел из машины, внимательно огляделся, отыскал название улицы и номер дома, у которого припарковался, записал их на всякий случай в телефон, и пошел вперед. Просто вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.